

МАРИНА КРАМЕР

ПЛАСТИКА ДУШИ

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер
Пластика души

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Пластика души / М. Крамер — «Эксмо», 2019 — (Закон
сильной. Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-099588-2

Пациентка Куликова показалась Матвею Мажарову странной с самого первого визита в клинику. И дело было даже не в том, что она требовала переделать ее лицо целиком и полностью, хотя никаких видимых причин для этого не имелось. Удивило Матвея то, что женщину все раздражало и создавалось впечатление, будто у нее большие проблемы с психикой. Поэтому Мажаров и отправил Куликову сперва к психологу, который, впрочем, никаких отклонений от нормы у нее не выявил. Только Матвея это ничуть не убедило, что женщина – именно та, за кого себя выдает...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099588-2

© Крамер М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Крамер

Пластика души

© Крамер М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть 1

*Этот мир – гора, а наши поступки – выкрики. Эхо от выкриков
всегда возвращается к нам.
Ангель де Куатье «Схимник»*

Я отличная актриса, кто бы мог подумать. Столько лет играть роль и ни разу – просто ни разу – не сбиться с текста, не выйти из образа, не перепутать жесты... Если бы это был сериал, мне определенно присудили бы «Оскара» за главную женскую роль. Но, к сожалению, это не кино, это даже не роман – это моя жизнь. Жизнь, которую я собственноручно придумала, срежиссировала и сыграла. Я знаю, что вместо возжеленного «Оскара» меня ждет расплата за все, что я сделала. Но все это уже не важно. В жизни, как выяснилось, вообще мало что важно...

Аделина

Каждое утро я благодарю судьбу за то, что мне не приходится буквально отрывать себя от подушки, чтобы тащить тело на ненавистную работу. Наверное, это не совсем верно, и дело не в судьбе, а в том, что я собственными руками выстроила то, что имею сейчас, и именно я сделала так, что утром, открыв глаза, чувствую прилив сил и огромное желание поскорее оказаться там, где нужна, где меня ждут и смотрят с надеждой. Любимая работа – это все-таки очень важно.

Именно с такими мыслями я проснулась и сегодня, встала, открыла настежь окно и зажмурилась от яркого солнца, мгновенно заполнившего всю спальню. Июнь в этом году радовал теплой погодой и полным отсутствием дождей. Меня такая погода всегда мотивировала и вдохновляла, потому все, за что я бралась, шло гладко.

Сверившись за чашкой кофе с ежедневником, я спланировала предстоящий день, прикинула, во сколько смогу закончить работу и покинуть территорию возглавляемой мной клиники, и написала сообщение подруге. Мы собирались встретиться вечером и обсудить отпуск. Да, в кои-то веки я решила взять паузу на десять дней и поехать отдыхать в компании Оксаны. Ее муж Сева не возражал, скорее даже настаивал на нашей поездке, порекомендовав на выбор несколько мест, где мы могли бы без помех отдохнуть и расслабиться. Не знаю, как Оксане, но мне это было просто необходимо. За прошедший год я столько работала, что даже сама почувствовала, как устала. Да и состояние здоровья стало меня беспокоить, хотя я, как и практически все врачи, отношусь к этому довольно наплевательски. Но после полученного ранения в шею меня то и дело стали мучить то ночные страхи, то головные боли, и я рассудила, что оставлять это без внимания нельзя в первую очередь потому, что мое состояние может отразиться на моих больных. Какой из меня хирург с головной болью? Правильно, никакой.

Удар топором я получила год назад – отец одной пациентки напал на меня на парковке у дома, желая отомстить за, по его мнению, нарушенное право родителя запретить лечение ребенка. Но в той ситуации я просто не видела выхода – лицо девочки было обожжено кипящим маслом, и мы – в основном, конечно, хирург Матвей Мажаров, а потом уж я – решили, что операция необходима. Отец же, какой-то особо иступленный сектант, не дал бы разрешения на манипуляцию, и мы с Матвеем, заручившись поддержкой соответствующих инстанций, прооперировали ребенка. Мне, кстати, повезло больше, потому что свою соседку, которая и привезла девочку в нашу клинику, этот сумасшедший зарубил. Меня же спас Матвей, вовремя оказавшийся рядом и сумевший частично отразить нападение, иначе моя голова отлетела бы, как кочан капусты. А так топор только повредил мягкие ткани шеи недалеко от сонной арте-

рии, что в общем-то тоже можно считать везением. Матвей не дал мне истечь кровью, зажимая рану руками до самой операционной, и через некоторое время сам провел пластическую операцию по устранению рубца. Я довольно долго тренировала руку, но в конце концов снова смогла встать к операционному столу и продолжить заниматься своим делом.

Мажаров... мои мысли снова вернулись к нему. Не знаю, чего мне не хватало, чтобы ответить ему взаимностью на ухаживания. Умный, талантливый, недурен собой... Но меня что-то держало, что-то такое внутри не позволяло окончательно расслабиться и проявить какие-то эмоции. Мы довольно часто ужинали вместе, ходили в театр, иногда просто гуляли в выходной где-нибудь за городом, но переступить грань, за которой заканчивается дружба и начинаются романтические отношения, я так и не могла. Возможно, к этому меня подталкивала наша совместная научная работа. Я уже проходила такое – мой первый мужчина тоже был хирургом, тоже вел разработки в области пластической хирургии, был моим научным руководителем – и совершенно спокойно и без угрызений совести присвоил мою работу, не указав даже моего имени в статье, а потом и вовсе уехал в другой город, даже не потрудившись сообщить об этом. Такое предательство совершенно отучило меня верить мужчинам.

Работать с Мажаровым было комфортно, я понимала, что вряд ли он способен на такую подлость, как Одинцов, но память о прошлом заставляла меня поддерживать только дружеские отношения. Матвей оказался терпеливым, не торопил, не намекал, не пытался сам перешагнуть черту. Оксана считала, что именно его нерешительность заставляет меня отвергать Матвея. Но дело было совершенно не в этом – нерешительным хирурга Мажарова назвать было никак нельзя. Правда, мне иногда казалось, что и Матвею не дает покоя его прошлое, в котором он тоже столкнулся с предательством, а потому теперь никак не мог до конца доверять женщинам.

Матвей вырос в приемной семье, его родная мать с легкостью отказалась от сына и отдала его совершенно чужим людям, которые, к счастью, вырастили его как родного и дали то образование, которое он хотел получить. Но отношения с женщинами не складывались. И что могло получиться в тандеме людей с таким грузом прошлого? Скорее всего, ничего хорошего. Значит, мы поступали правильно, ограничиваясь только работой и дружбой.

Мажаров не появился на утренней планерке, хотя у нас не было заведено подобное – все должны присутствовать на обсуждении планов на день. Я решила выяснить причину сама, но, уже направляясь в ординаторскую, вспомнила, что нужно зайти в приемное. Мажаров обнаружился там – что-то быстро набирал на клавиатуре, сидя в кабинете для приема.

– Ты почему на планерке не был?

– Моя очередь в приемном сидеть. Как планы на вечер?

Ох ты, я и забыла совсем... и уже с Оксанкой договорилась.

– Мои изменились, – стараясь, чтобы в голосе появились слегка виноватые нотки, сказала я. – Можем перенести?

– Без проблем.

Мы наскоро обсудили новую пациентку, и я вернулась в кабинет. Операций на сегодня у меня назначено не было, так что появилась возможность заняться текущими бумажными вопросами. До самого обеда я разбиралась в накопившихся документах, в очередной раз давая себе обещание никогда не накапливать их, а читать и подписывать сразу. Тут, правда, я слегка преувеличивала – привычки складывать бумаги в одну кучу и читать их, только когда время подожмет, у меня не было, а то, что лежало на столе сейчас, скопилось всего за два дня. Вчера на это не было ни времени, ни сил – я вышла из операционной поздним вечером, а в таком состоянии изучать документы вряд ли кто-то бы смог.

После обеда я вновь обошла свои палаты, проверила послеоперационную больную, помня ей назначения и передала их постовой медсестре. Нужно было еще зайти к психологу, узнать, подпишет ли он направление на операцию молодому человеку, пожелавшему иметь нос

покороче, а уши – поменьше. Евгений Михайлович как раз заканчивал оформлять его историю болезни и, заметив меня в дверях кабинета, пригласил войти:

– Я уже закончил, Аделина Эдуардовна, присаживайтесь.

– Я на минутку, узнать, подпишете ли заключение?

– Да, подпишу. Он совершенно адекватен и отдает себе отчет в том, что делает и говорит.

А внешность, согласитесь, довольно специфическая.

– Ну, стало быть, назначаем операцию на следующей неделе.

– Вы же в отпуск собирались?

– И собираюсь. Мажаров сделает.

Психолог снял очки и, сунув дужку в рот, посмотрел на меня:

– А вам не показалось, что у Матвея Ивановича... как бы это сказать... душа, что ли, не лежит к подобным операциям?

– В каком смысле?

– Ну, не любит он с изменениями внешности работать. Ему больше нравится восстановительная хирургия.

– Ну и что? – пожав плечами, отозвалась я. – Он прекрасно знает правила игры. Восстановительная хирургия у нас бесплатна, а коррекционная стоит довольно больших денег, и, чтобы заниматься первым, мы должны делать и второе. И личные предпочтения хирургов тут вообще ни при чем.

– Да я же ни на что не намекаю...

– А мне показалось, что вы хотели меня предостеречь.

– От чего? – удивился Евгений Михайлович.

– Я могу ошибаться, тогда заранее прошу меня извинить, но в ваших словах я услышала намек на то, что к коррекционным операциям хирург Мажаров относится не с должным вниманием, а делает их потому, что обязан.

– Вовсе нет! – запротестовал психолог. – Я поделился с вами личным наблюдением, ничего более. Я же не бываю в операционных, не могу оценить профессиональные качества.

– А я, представьте, могу. И хирург Мажаров один из лучших сейчас в клинике.

Психолог как-то странно на меня посмотрел, и я вдруг подумала, что он подозревает меня в личной заинтересованности и в том, что наши отношения с Матвеем не дают мне увидеть то, что видит он. Еще не хватало, чтобы коллеги и подчиненные подозревали меня в неадекватной оценке возможностей сотрудников!

– Евгений Михайлович, давайте так. То, что я иногда встречаюсь с Мажаровым вне клиники, вовсе не делает меня слепой по отношению к нему. И если он станет пренебрегать своими прямыми обязанностями, я откажусь от его услуг ровно в ту же минуту, как пойму это. И никакие личные отношения не заставят меня поступить иначе, потому что репутация собственная и клиники волнует меня куда сильнее. Надеюсь, я внятно все объяснила?

– Вполне. Я только не понял, с чего вдруг вы начали оправдываться, словно я вас в чем-то уличил?

Я слегка растерялась – а ведь и правда, с чего бы мне оправдываться?

– Евгений Михайлович, ну, мы ведь поняли друг друга, да? – уклонилась я от ответа.

– Аделина Эдуардовна, вам, мне кажется, действительно пора в отпуск, – вздохнул психолог. – Нельзя столько работать, а особенно если вы сами после травмы. Кстати, вы прекратили ко мне приходить с этим вопросом.

– Мне показалось, что мы закончили. Меня не преследуют кошмары, я нормально сплю, никакие мысли не мучают – ну, кроме тех, что связаны непосредственно с работой. Так к чему мне занимать ваше рабочее время?

– Я, конечно, не могу настаивать, но порекомендовал бы все-таки еще несколько сеансов.

– Давайте так договоримся. Я сейчас в отпуск съезжу и, если вдруг почувствую необходимость, непременно к вам приду, хорошо? – Я взялась за дверную ручку, собираясь покинуть кабинет, и Евгений Михайлович улыбнулся:

– Торопитесь сбежать? Значит, я все же прав и не все так безоблачно, как вы пытаетесь мне показать.

– Все, Евгений Михайлович, мне на самом деле пора, – проговорила я и все-таки вышла из кабинета.

Черт побери этого Евгения Михайловича, ведь он совершенно прав... Я не совсем еще оправилась и про сны соврала – они мне снятся, да еще какие красочные... Но времени на душевные беседы с психологом у меня нет, я должна работать. Потому что это забирает меня полностью и не дает отвлекаться на такие мелочи, как ночные кошмары.

Вечер я провела в гостях у подруги. Приятно все-таки иметь такое место, где тебе рады и где к твоему приходу обязательно накроют стол и приготовят что-то умопомрачительно вкусное. Сева в этом смысле всегда был на высоте. «Заведи себе своего такого Севу, в чем проблема-то? – всякий раз говорила Оксана, когда я пыталась выразить ей восхищение ее супругом. – И потом – может, он потому такой замечательный, что ты с ним не живешь? Не живешь, не просыпаешься в одной постели, не убираешь раздрай в кухне, не терпишь пьяную музыку на всю катушку и вечные пепельницы с окурками по всем комнатам? Потому он и кажется тебе таким великолепным и гениальным, что ты не сталкиваешься с побочными эффектами этой гениальности ежедневно?»

Не спорю, возможно, в этом была доля истины, но – кто идеален-то? Саму Оксану с ее вечными капризами и претензиями тоже нужно терпеть.

Мы сидели в кухне, пили свежий чай с мелиссой и лавандой, ели Севин пирог с капустой, который был знаменит среди городских журналистов как нечто совершенно фантастическое, и обсуждали предстоящую поездку. Нацелились мы на Испанию – Оксана раньше любила там бывать, а я абсолютно спокойно поеду туда, куда повезут, я человек не особенно привередливый, хоть и люблю комфорт. Как-то незаметно разговор перешел на Севину помощницу, у которой не ладилась личная жизнь, и Оксана по мере сил пыталась познакомить ее хоть с кем-то. Я всегда скептически относилась к подобным движениям, считая, что взрослые люди в состоянии самостоятельно разобраться в том, с кем и как им жить.

– Ты просто не понимаешь, – возражала Оксана. – Для женщины важно быть в отношениях.

– Да? И зачем же?

– Как это?! Важно быть вместе с кем-то, иметь рядом человека. Все в жизни завязано на отношениях. Нужно кого-то любить и быть с ним.

– А у меня есть знакомые, которые находятся в отношениях с одними, а любят совершенно других. Но при этом делают они это так искусно и талантливо, что даже я, отлично понимая, что вся эта нежность, забота и ласка наигранны, всякий раз спрашиваю: «А вы с N. все еще вместе?» И получаю утвердительный ответ. Так вот я тебе что скажу – не дай бог никому находиться в таких вот отношениях, – я понимала, что сейчас хожу по тонкой грани, балансирую над пропастью и, возможно, имею шанс потерять единственную подругу, но порой Оксанино лицемерие выводило меня из себя.

Однако она, ласково потрепав Севу по волосам, улыбнулась:

– Ну, в каждой избушке свои игрушки. Это ты у нас идеалистка и все продолжаешь поиски мифического принца. Но оглянись и подумай – а может, стоит понизить планку?

– А до какого уровня нужно понизить планку, чтобы хоть один мужчина сумел ее преодолеть?

Сева захохотал:

– Браво, Деся! Это нокаут, Ксюша, признай.

– Ни за что! Нормальных мужчин, способных любить и брать на себя ответственность, полно. Просто Аделина этого не замечает. Вот тот же Мажаров.

– О, вот эту тему мы затрагивать не будем, – сразу отрезала я. – С Матвеем у нас только деловые отношения.

– Ну, еще бы. Не хотела напоминать, но и с Одинцовым у тебя начиналось именно с этого.

– Раз уж заговорила, так заканчивай – и чем все это обернулось для меня? Тем, что я ни одному мужику больше не верю. И Мажарову в том числе.

Настроение испортилось. Я докурила сигарету, допила чай и стала собираться домой. Оксанка, догадавшаяся о причинах моего быстрого ухода, явно чувствовала себя виноватой:

– Дель, ну, что ты в самом деле? Я глупость ляпнула, ты ведь знаешь, со мной такое часто...

– Брось, Оксанка, дело не в тебе. Я устала, хочу выспаться. Спасибо за ужин. И с Севой попрощайся за меня.

Чмокнув подругу в щеку, я вышла на площадку и почувствовала, что действительно устала. Сейчас приеду к себе и сразу рухну в постель.

Наталья

Всему виной зависть. Зависть. Из-за этого чувства иной раз не хочется просыпаться утром, невозможно выходить на улицу, невозможно есть, пить, смотреть на людей. Я завидую им всем и одновременно отчаянно жалею себя за то, что мне недоступно многое из того, что есть у них. Даже элементарное – работу я найти не могу уже много лет. Я, умная, способная, я, у которой все, за что ни возьмусь, выходит отлично, не могу устроиться на работу никем. Ни по специальности, ни даже просто переписывать какие-то ерундовые заметки в местную газету – даже туда меня не взяли в последний момент, хотя уже пообещали. Самое обидное в том, что зачастую вакансию занимает тот, кто значительно проигрывает мне, но имеет друзей, родственников, любовников из числа тех, кто может решить проблему трудоустройства. У меня никого нет, я вынуждена крутиться сама, и все попытки разбиваются в полушаге от мечты. Меня сжирает эта чертова зависть к таким обычным вещам, что я уже чувствую себя ненормальной. Я не хочу открывать глаза по утрам – зачем? Это просто очередное утро, которое не принесет мне ничего хорошего или приятного. Мне снова нужно будет думать, как найти денег и наконец-то слезть с шеи мамы, которая не может выйти на пенсию, потому что ей приходится кормить еще и меня, а мы, разумеется, не проживем без ее зарплаты. Это невыносимо стыдно и больно, так больно, что мне иногда хочется кричать во все горло, чтобы хоть как-то заглушить то, что раздрает меня изнутри.

Было еще кое-что. Внешность. Возможно, будь я хоть чуточку симпатичнее, все могло бы сложиться иначе, ведь красивым людям намного легче живется. Миловидное лицо для девушки – это как пропуск, как ключ, открывающий любую дверь. Я же каждое утро видела в зеркале довольно унылую картину – длинный нос, близко посаженные глаза невыразительного серого цвета, тонкие блеклые губы, тусклые жидкие волосы, которые не укладывались никакими средствами и не лежали ни в какой модной стрижке, что с ними ни делай. С годами я, конечно, научилась слегка исправлять все это при помощи косметики, но какой в том толк, когда вокруг сновали настоящие яркие, пусть и бесталанные, красотки? Это тоже подпитывало мою зависть к ним.

Не будь во мне столько этого отравляющего чувства, я ни за что не согласилась бы на то, что заполнило мою жизнь на эти пять лет. Зависть к чужому успеху, к чужой славе, к чужим деньгам, к чужой красоте.

Это произошло случайно. Мама, не оставлявшая попыток устроить меня на работу хоть куда-то, однажды приехала домой возбужденная:

– Наташка, быстро собирайся, мажь морду косметикой и оденься прилично, мы едем на собеседование.

– Какое собеседование в семь часов вечера? – удивилась я, отрываясь от увлекательнейшего занятия – игры в «шарики» на телефоне – ну, а что еще делать, когда весь день сидишь дома и успеваешь переделать всю домашнюю работу примерно до обеда?

– Ты будешь разглагольствовать или все-таки оторвешь задницу от кровати? – загремела родительница. – Тебя что – каждый день на собеседования зовут, востребованная ты моя?! Ведь говорила тебе – поступай на экономический или юридический, да хоть курсы бухгалтеров закончи, но нет же, у тебя другое призвание! Журналистика! Журналистика, будь она неладна! Что – талантов не хватило? Ну, так хоть теперь делай, что тебе мать говорит!

Монолог мамы я могла прокручивать в голове часами – текст этой речи не менялся годами с тех самых пор, как я принесла диплом об окончании факультета журналистики и ни разу не устроилась работать по специальности. А ведь меня считали самой талантливой на курсе, преподаватели только руками разводили, слыша о том, что меня не берут ни в одно издание, ни на один телеканал, ни на радио – никуда. От этого становилось только больнее – выходило, что мои куда менее способные сокурсники устроились в самые разные издания, а я со своими талантами осталась за бортом, и сделать с этим совершенно ничего невозможно.

Чтобы избежать второй части монолога, в котором повествовалось о моей неблагодарности, наглости и никчемности, я встала и начала собираться.

– Ты хоть скажи, что за работа?

– Какая тебе разница? Работа – и все. Хорошая.

– Да мне же надо понять, как на собеседование одеваться!

– Прилично! – отрезала мама. – Надеюсь, ты знаешь значение этого слова, у тебя ж высшее гуманитарное образование.

Ну, разумеется, как же можно удержаться от ехидства...

«Приличных» в мамином понимании этого слова вещей в моем гардеробе не водилось. А какой смысл тратиться на одежду, когда весь твой маршрут – магазин-рынок-аптека-банк, чтобы за коммуналку заплатить? Джинсы, толстовки, футболки, кроссовки – этого вполне достаточно. Интуитивно я понимала, что все это не годится и вызовет материнский гнев и новые потоки обвинений в никчемности. К счастью, купленное пару лет назад к маминому юбилею платье вполне еще годилось, а пара простых черных туфель на невысоком каблучке тоже лежала в коробке в самом дальнем углу шкафа. Оглядев себя в зеркале, я вздохнула – обычная серая среднестатистическая неудачница без жизни и без надежд. Но что уж есть...

Мама оглядела меня скептически, поджала губы, но ничего не сказала, только рукой махнула. Ну, уже хорошо, значит, осталась довольна.

Мы поехали в центр города и оказались у итальянского ресторана.

– Веди себя тихо и прилично, – сказала мама таким тоном, словно мне тринадцать лет и я ни разу не была в подобном заведении.

– Ты еще скажи – локти на стол не ставь и не чавкай, – тихо буркнула я.

– Надо будет – скажу, – заверила она, толкая дверь.

Мы вошли в фойе, и мама сразу направилась в зал уверенной походкой, словно обедала здесь каждый день.

– Нас ожидают, – величественно сказала она метнувшейся ей наперерез хостес.

– Проходите, – девушка подхватила две папки с меню и последовала за нами.

Мама точно знала, к какому столу подойти, и мы оказались перед мужчиной в светлом летнем костюме, с интересом изучавшим винную карту. Заметив маму, он встал и приветливо улыбнулся:

– Добрый вечер, Надежда Павловна.

– Добрый вечер, Вадим Сергеевич. Знакомьтесь, это Наталья, моя дочь.

– Очень приятно, – мужчина протянул мне руку. – Присаживайтесь, дамы.

Мы сели, хостес развернула перед нами меню и удалилась, а Вадим Сергеевич сказал:

– Я взял на себя смелость заказать вино на свой вкус, надеюсь, вы не возражаете?

– Ну, что вы, – очаровательно улыбнулась мама.

С каждой минутой я все меньше понимала, что происходит, и переставала узнавать свою мать. Она преобразилась, выглядела этакой завзятой посетительницей ресторанов и дамой полусвета. Официант принес бутылку, показал этикетку Вадиму Сергеевичу и наполнил бокалы.

– Ну, что ж, давайте выпьем за знакомство, – предложил Вадим Сергеевич. – Надеюсь, Наталья, мы с вами поладим.

Я было открыла рот, чтобы поинтересоваться характером работы, но мама под столом наступила мне на ногу, и я промолчала.

– Дело в том, Наташенька, что я хотел бы предложить вам не очень обременительную, но довольно интересную работу, – сделав глоток, сам начал интересующую меня тему потенциальный работодатель. – Вы, насколько я знаю, журналист?

– По диплому, – вздохнула я.

– Но поработать не довелось?

– Нет.

– Это не имеет значения. Мне важно, что вы умеете писать, ваша мама показала мне пару ваших студенческих работ. Это как раз то, что мне нужно.

– Вы имеете отношение к журналистике?

– Не совсем, – рассмеялся он. – Я литературный агент.

– Кто? – изумилась я не совсем вежливо, за что снова получила ощутимый пинок в голень под столом.

– Литературный агент. Я работаю с авторами, помогаю им продвинуть рукописи в издательства. Вы когда-нибудь слышали о писательнице Аглае Волошиной?

Я чуть было снова не поставила маменьку в неловкое положение глупым возгласом о том, что о Волошиной не слышал разве что глухой. Несколько десятков любовных романов, пять сериалов, снятых по ним, – ну, кто ж ее не знает-то! Просто мне никак не удавалось понять, при чем здесь я.

– Конечно, знаю.

– Ну, тогда вы знаете, что Аглая Максимовна не дает интервью, никогда не появляется на публике и никто никогда не видел, как она выглядит.

– Мне кажется, это такой пиар-ход, – пожалала я плечами. – Недоступность и недосказанность порождают интерес.

– Все верно. Но дело немного в другом. Об этом я расскажу вам чуть позже, а сейчас вкратце обрисую ситуацию. Мне нужна девушка с высшим гуманитарным образованием, способная быстро набирать текст на компьютере, неболтливая, скромная и готовая посвящать работе практически все время, – он посмотрел на меня испытующе. – Как думаете – это о вас?

Я пожалала плечами. Суть разговора была мне пока не ясна. Но мама, видимо, для себя уже все решила, и ее целью было во что бы то ни стало устроить меня на эту работу, поскольку ничего другого никто не предлагал.

– Вадим Сергеевич, разумеется, это все о ней, – вмешалась она. – Наталья дисциплинированная, аккуратная, она все умеет, легко учится. Поверьте, вы не пожалеете.

Агент, казалось, даже не обратил внимания на ее слова, он продолжал буравить меня взглядом выцветших голубых глаз, и я чувствовала, как по спине бегут мурашки.

– Так что, Наташа? Будем обговаривать детали?

Мама снова изо всех сил лягнула меня под столом, я невольно ойкнула и прикрыла рот ладонью.

– Я не совсем понимаю...

– Я объясню. Мне нужна помощница, которой я смогу поручить Аглаю Максимовну.

– В каком смысле?

Агент вздохнул:

– Давайте так. Сейчас мы поужинаем, а вы пока подумайте. Я предлагаю неплохие деньги, – и он назвал сумму, которая могла присниться мне только в самых дерзких снах. – От вас же по большому счету требуется только не быть болтушкой и выполнять все, о чем я вас попрошу. Нет, не бойтесь, в этом не будет ничего противозаконного, – предвосхитил он мой возглас. – Обычная работа секретаря.

Больше он не произнес на эту тему ни слова до самого конца ужина. Я даже не чувствовала вкуса блюд, которые пробовала, не слышала, о чем беседуют мама и Вадим Сергеевич. Я лихорадочно прикидывала, что же конкретно от меня потребуется за такие огромные деньги. Когда же ужин подошел к концу, Вадим Сергеевич, убирая в портмоне кредитку, спросил:

– Так что же, Наташа, вы решили что-нибудь?

– Мне кажется довольно странным соглашаться, не зная условий работы...

– Она согласна, – твердо сказала мама.

Агент снова посмотрел на меня, и мне ничего не оставалось, как кивнуть, чтобы дожить хотя бы до дома. Любой другой ответ мог стать последним в моей жизни, судя по покрасневшему лицу родительницы.

– Тогда завтра утром я жду вас в своем офисе, адрес на визитке, – он протянул мне карточку. – В десять часов и без опозданий, хорошо?

– Конечно. – Я обреченно сунула визитку в сумку.

Вадим Сергеевич усадил нас в такси, настояв на том, что сам оплатит поездку, и попрощался. Я сжалась на заднем сиденье, предвкушая разговор с мамой, который непременно произойдет, едва мы окажемся наедине – устраивать разборки при постороннем человеке она, конечно, не станет. Но дома отыграется по полной программе. И еще меня не оставляло чувство, что я вляпалась в какую-то историю, о чем впоследствии пожалею.

Матвей

Он любил вести прием. В такие моменты у Матвея возникало чувство, что от его действий, от их правильности и четкости зависит человеческая судьба. Его опытный взгляд безошибочно определял степень поражения тканей, глубину рубца и возможные осложнения, с которыми столкнулся сидящий перед ним человек. Мажаров мысленно набрасывал план предстоящей операции, время, которое потребуется для восстановления, срок, который пациент проведет в клинике. Ему нравилось дарить надежду, он знал, что непременно справится и поможет человеку избавиться от проблем, которые неизбежно возникают при лицевых травмах.

Сегодняшняя пациентка оказалась не из тех, кто обратился к нему после травмы. Перед ним сидела невысокая, худенькая молодая женщина, у которой не имелось выраженных дефектов.

– Итак, что привело вас в нашу клинику? – спросил Матвей, приготовившись слушать.

– Вы должны мне помочь, – заговорила она неожиданно хрипловатым голосом, так не вязавшимся с ее внешностью.

– Я здесь именно для этого. Но обрисуйте проблему, потому что на первый взгляд я ничего не заметил.

– Да?! – нервно хохотнула она. – А вы точно пластический хирург?

Матвей не отреагировал на этот выпад – зачастую пациенты вели себя подобным образом, были настроены скептически и даже с недоверием. Люди, привыкшие жить с дефектом, склонны не верить врачам и не надеяться на мгновенное исцеление.

– Скажите, доктор, что вы видите, когда смотрите на меня?

– Вижу молодую женщину с хорошей, хоть и бледной кожей. Но это скорее от недостатка прогулок и неправильного питания.

– И все?

– В общем, все, – подтвердил он.

– И вам нравится то, что вы видите?

– Давайте так. Мы не будем обсуждать мои вкусы, а попытаемся выяснить, что не устраивает конкретно вас. Я правильно понял – вы хотите что-то изменить во внешности?

– Все. Я хочу изменить все. Меня бесит этот нос, этот разрез глаз, эти губы, этот лоб, который в комнату раньше меня входит! – Ее голос почти сорвался на крик, но женщина взяла себя в руки и продолжила: – Я не могу больше жить с этой мордой, понимаете?

– Понимаю, – кивнул Матвей, делая пометку в черновой истории болезни о необходимости консультации у психолога и психиатра. – Давайте разбираться. Ваша нынешняя внешность мешает вам жить?

– Как вы догадались? – зло скривилась женщина.

– По вашему тону. Вы считаете, что, изменив внешность, вы измените то, что не устраивает вас в жизни?

– Совершенно точно. И поверьте – я не уйду отсюда, не получив того, что хочу.

– Это не разговор, мы с вами не на рынке, и речь идет не о покупке нового платья. Предстоит ряд сложнейших операций, включая удаление части лобной кости – раз уж вас форма лба не устраивает, хотя, поверьте, не могу понять почему. Кроме всего, это больно, это долго, вы в зеркало смотреть не сможете, потому что тут и отеки, и синяки, и сукровица на повязках...

– Доктор, не занимайтесь словоблудием, – оборвала она. – Мне рекомендовали вашу клинику как лучшую, и я на все готова, чтобы здесь остаться.

– А вы приблизительно понимаете, о какой сумме идет речь?

– Это не имеет никакого значения.

«Нет, все, это не ко мне, это к психиатру», – решил Матвей.

– Хорошо. Я вас госпитализирую. Сейчас придет медсестра и оформит бумаги, а потом отведет вас в палату. Вы как предпочитаете – с соседкой или одиночную?

– Одиночную.

Матвей отметил про себя, что она даже не поинтересовалась стоимостью, не спросила даже, сколько в ней цифр. Это было странно, однако женщина вообще производила впечатление человека неуравновешенного. Он решил, что не станет больше вступать с ней в полемику, а предоставит право заниматься этим сперва психологу Евгению Михайловичу, а затем, если будет необходимость – а она будет, если пациентка продолжит настаивать на операции, – психиатру.

Вошла медсестра Женя, поздоровалась и пригласила новую пациентку пройти в соседний кабинет для оформления документов. Женщина встала, подхватила небольшую дорожную сумку и, метнув в Матвея уничтожающий взгляд, вышла.

«Странная баба, – подумал Матвей, придвигая к себе клавиатуру и начиная заполнять окончательный вариант истории болезни. – Ну, подумаешь – нос длинноват, губы тонкие. С такой внешностью вполне можно жить. А вот с характером... Но тут мы бессильны».

В кабинет вошла Аделина – он знал, что это она, даже не поворачивая головы, просто уловил специфический запах ее духов – тонкий, травяной, чуть горьковатый.

– Привет, – сказал Матвей, не отрываясь от компьютера. – Ты что-то поздно.

– А ты почему на планерке не был?

– Моя очередь в приемном сидеть, только собрался – клиентка.

– Что-то сложное?

– Скорее что-то психиатрическое. Дама желает кардинально сменить внешность, готова на любые финансовые жертвы, хотя впечатления внучки Рокфеллера не производит.

– Куликова Наталья Анатольевна, – перегнувшись через его плечо, прочитала строчку на мониторе Аделина. – Тридцать два года, бла-бла-бла... обращение по поводу ринопластики, хейлопластики¹, кантопластики², фронтопластики³. Ого... А не сильно ты размахнулся? Она тут у нас прописку сможет просить.

– А я при чем? Клиентка требует. Я ее сразу к Евгению Михайловичу направлю, пусть он с ней попробует поговорить. Ты просто представь – ну, черт там с носом и губами, но нормальный лоб же, ну, может, чуть выпуклый, но не критично. Так нет – давайте стешем все, пусть будет плоский. А какой объем операции, она даже слушать не стала.

Аделина обошла стол и села на то место, где недавно сидела странная пациентка. Матвей заметил, что лицо начальницы сегодня бледнее обычного и дело не в освещении – под глазами Аделины залегли тени, которые она не смогла скрыть даже при помощи косметики.

– С тобой все в порядке? – спросил он, хотя заранее знал, что она ответит.

– Да.

– Вот я так и подумал. Голова не болела?

– Доктор Мажаров, у вас что, работы нет? – поинтересовалась она, закинув ногу на ногу.

– Есть. Но...

– Ну, так и займитесь.

Матвей поднял вверх руки, признавая бесполезность дальнейших вопросов.

– Ты просто так зашла или есть дело?

– Есть. Статью не приняли в журнал, считают, что мы недостаточно раскрыли тему.

– Ну, так давай перепишем.

– Я предлагаю отложить недельки на две и взглянуть потом свежим взглядом. Мне кажется, мы с тобой перестали оценивать результаты критично.

– Деля, ты говоришь ерунду.

– Пусть так. Но статью все равно пока отложим.

– Тебе нужно в отпуск.

– Мечтаешь усестись в мое кресло? – улыбнулась она, и он весело подтвердил:

– А то! Сплю и вижу, как бы выдернуть его из-под тебя, и тогда ты будешь моей подчиненной, а не наоборот.

– У кого-то защемило в дверях мужское достоинство?

– Нет, – захохотал Матвей. – Просто хочу, чтобы ты отдохнула. Тебе бы вообще не надо столько работать, ты еще не совсем восстановилась.

– Успокойся, я работаю до конца недели, и потом вы не увидите меня целых десять дней.

– Целых десять?! – Матвей закатил глаза. – Ужас! Не боишься, что мы тут все развалим?

– Ну, пока болела, не развалили же.

– Так ты ж здесь лежала, устроила из палаты рабочий кабинет! Хорошо еще, в операционную со своей повязкой не вваливалась.

– Ой, прекрати. Я что – такой тиран?

– Хуже! – весело заверил Матвей. – Но мы привыкли.

Аделина покачала головой:

¹ Увеличение верхней и нижней губы операционным путем.

² Изменение разреза глаз.

³ Изменение формы лба.

– Думаю, что в этот раз меня заменишь все-таки ты, а не Васильков. Хочу посмотреть, что будет, если дать тебе порулить клиникой.

– Дело твое. Если честно, меня не очень влечет административная работа, мне привычнее операционная, а не счета, отчеты и вся эта макулатура.

– Учись совмещать.

– Говорю же – дело твое. Но я ведь имею право высказать свое мнение?

– Считай, что я его услышала.

Она поднялась, поправила халат и пошла к двери, но на пороге задержалась:

– Да, совсем забыла. Мы сегодня хотели поужинать, но у меня изменились планы. Не обидишься?

– Обижусь. Но приму как данность.

– Мажаров, что-то ты стал подозрительно покладистым.

– Устал бороться, – улыбнулся Матвей. – Нет, все в порядке, занимайся своими делами и готовься к отпуску.

– Тогда увидимся в обед.

Аделина вышла. Матвей еще пару минут посидел, осмысливая информацию. Он не претендовал на лидерство, не хотел власти, не стремился стать главным в этой клинике. Он отдавал себе отчет в своих возможностях и знал, что его место – у операционного стола, со скальпелем в руке, а не с шариковой ручкой среди счет-фактур, заявок и прочей бумажной волокиты. Управление его не интересовало, и он, конечно, шутил, говоря Аделине о своем желании посидеть в ее кресле. И с чего вдруг она решила оставить вместо себя именно его, а не доктора Василькова, как делала всегда, Матвей не понимал. С Аделиной вообще было сложно, наверное, сложнее, чем со всеми женщинами, что были прежде в его жизни. Она напоминала ему угря – вроде кажется, что ты ухватил его, но он тут же ускользает из твоей руки и снова дразнится, плавая неподалеку. Она не отталкивала его, но и не подпускала слишком близко, не отказывалась от встреч вне клиники, но и не торопилась, допустим, пригласить к себе хотя бы на чашку кофе. За все время Матвею удалось лишь дважды поцеловать ее в щеку – не более того. Он понимал причину, потому что знал ее историю с Павлом Одинцовым, но не мог понять, как можно столько лет носить в себе эту обиду и проецировать прошлые отношения на нынешние. Его слегка задевало то, что Аделина словно бы отождествляет его с Одинцовым и подсознательно ждет подвоха, ждет того, что Матвей поступит с ней так, как когда-то Павел. И доказать ей обратное у него пока никак не получалось.

Матвей решил для себя, что будет терпеливым и сдержанным – она действительно нравилась ему, хотя, придя работать в клинику год назад, он не слишком проникся к новой начальнице. Однако прошло время, и Матвей понял, что на самом деле Аделина вовсе не такая холодная и отстраненная, какой хочет выглядеть, просто обида, нанесенная его предшественником, оказалась настолько глубокой, что рана эта до сих пор не зажила.

Наталья

– Ты вела себя крайне неприлично, – сообщила мне мама в тот момент, когда мы вышли из такси.

– Да? И в чем это выразилось?

– Тебе предложили работу, а ты начала корчить из себя непонятно что.

– Мам, давай рассуждать трезво – какую именно работу мне предложили? Ты поняла? Я лично – нет, – придерживая дверь подъезда, сказала я в материнскую спину.

Мама развернулась:

– Хорошо оплачиваемую!

– Мам, ну, ты в своем уме, а? При чем тут деньги?

– Разумеется! Разумеется, деньги ни при чем! Ведь наступил коммунизм, в магазинах все бесплатно, а коммунальные услуги вообще отменены! Какие деньги, кто вообще об этом думает, правда? Уж точно – не ты, да?

– О, господи... ну зачем ты передергиваешь? Все сейчас выглядит так, словно ты готова меня на органы продать, чтобы только деньги были!

Мама отвесила мне хлесткую пощечину:

– До чего ты неблагодарная, Наташка! Как ты вообще смеешь мне подобное говорить?

Потирая горящую щеку, я поняла, что сейчас лучше замолчать. Мама настолько устала тащить меня, безработную, что даже не трудится подумать о том, куда толкает меня и чем это может закончиться. И дело, кстати, вовсе не в деньгах – ей просто тяжело, тяжело морально и физически, она уже немолода, чтобы кататься каждый день на другой конец города и обратно по пробкам. А я... ну да, я не требую от нее ничего, но, положив руку на сердце, мне почти тридцать, и я безработная иждивенка. Тут кто хочешь озверевает.

Оставалось надеяться, что странноватый работодатель не имел в виду ничего криминального и я просто займусь редактированием каких-то текстов. Хотя он упомянул Аглаю Волошину, сказал, что является ее агентом... Нет, ну, такого просто не может быть – чтобы человеку с улицы, без рекомендаций и портфолио, вот так запросто предложили на редактуру тексты известного автора... Что-то здесь все-таки не так...

Но в моей ситуации быть привередливой и разбрасываться предложениями не стоит, тут мама права, как ни крути. Ладно, посмотрим. Съезжу завтра, поговорю с этим Вадимом Сергеевичем наедине, без чуткого маминого контроля, и, возможно, ситуация прояснится. Главное, чтобы в ней не оказалось ничего противоправного...

Офис Вадима Сергеевича находился в самом центре города, на двенадцатом этаже нового бизнес-центра. Я даже немного оробела, увидев панорамные окна, из которых открывался прекрасный вид на город. Казалось, что даже воздух в этом просторном помещении совершенно другой – какой-то свежий и чистый, настраивающий на задумчивый лад. Наверное, здесь в голову приходили бы замечательные идеи для романов, например.

– Доброе утро, Наташа, – хозяин кабинета вышел из-за массивного дубового стола и двинулся мне навстречу. – Долго добирались?

– Нет, мы живем не очень далеко, есть трамвай, который останавливается в пяти минутах ходьбы отсюда.

– Вы присаживайтесь. – Он отодвинул для меня стул и предложил: – Может, кофе?

Я отказалась, но Вадим Сергеевич отказа не принял и вызвал секретаря. Удивительно, но я не заметила молодого человека в небольшой приемной – так и ворвалась в кабинет, даже не спросив, ждут ли меня там. Стало слегка неловко.

– Ростик, сварь-ка нам кофейку, будь так добр, – попросил Вадим Сергеевич, и высокий, худой блондин в песочного цвета рубашке и легких серых брюках кивнул и спросил:

– Какой именно кофе желает дама?

– Наташенька, вы какой кофе предпочитаете?

– Черный.

Ростик кивнул и вышел. Вадим Сергеевич проводил его взглядом и спросил:

– Вас, надеюсь, не удивляет мой секретарь?

– Нет. А должен?

– Обычно посетители ожидают увидеть в приемной девушку.

– Ну, вы же тут хозяин, может, вам так удобнее?

– Верно, – усаживаясь за стол, засмеялся Вадим Сергеевич. – А вы только что прошли первую проверку.

– Какую? – удивилась я.

– Вы не любопытны, и мне это подходит.

Да уж, любопытство никогда не было моей чертой, меня вообще мало интересовало все, что не касалось меня лично, – на всякий случай, чтобы не подпитывать червя зависти, поселившегося внутри. Потому что всегда находилось то, чему я начинала отчаянно завидовать, сжирая себя.

Ростик принес две чашки кофе и почти неслышно удалился. Вадим Сергеевич придвинул к себе свою, бросил в напиток два кусочка сахара и энергично заработал серебряной ложечкой, размешивая его. Кофе пах отлично, я вообще люблю кофе и умею отлично варить его, могла бы, наверное, пойти работать барристой, если бы меня взяли хоть в одно кафе.

– Так вот, Наташа, – отложив ложку, начал Вадим Сергеевич. – Я не случайно сказал вам о небольшой проверке. Дело в том, что работа, которую я собираюсь вам доверить, требует терпения и умения держать язык за зубами. Это основное условие. Надеюсь, вы не разочаруете меня.

– Я не совсем понимаю...

– Я объясню. Мне нужен человек, который возьмет на себя все, что связано с Аглаей Максимовной.

– Я думала, вам нужен редактор или секретарь для нее.

– И это в том числе. Но прежде всего мне нужен человек, который сможет посвящать Аглае все свое время. Жить вам тоже придется у нее. Разумеется, вам положен выходной, – поспешил Вадим Сергеевич, заметив, очевидно, как у меня расширились глаза и открылся рот. – Вы сможете брать его тогда, когда вам будет необходимо, только предупредив накануне меня.

– То есть как это – жить у нее? У нее в квартире? – еле выдохнула я.

– В ее загородном доме. Это в пятнадцати минутах езды от железнодорожного вокзала, регулярно ходит электричка, расходы на транспорт будут оплачиваться отдельно.

Я вообще перестала понимать, что происходит. Жить в загородном доме известной писательницы всю неделю? Постоянно общаться с ней? С человеком, который не дает интервью и не позволяет себя фотографировать? Получать такую кучу денег, что мне даже не снилось, и все это при единственном пока условии – держать язык за зубами? Что конкретно мне не нравится в этом предложении?

– Вы не сомневайтесь, Наташа, все только выглядит немного странно, но на самом деле... э-э-э... как бы объяснить... – Вадим Сергеевич защелкал пальцами, подбирая нужные слова, а я никак не могла унять вдруг охватившую меня панику.

Не знаю почему, но мне снова, как и в ресторане вчера, показалось, что я влипаю в какую-то историю.

Так и не найдя подходящего объяснения, Вадим Сергеевич встал и предложил:

– Давайте сделаем так. Мы сейчас поедem на ваше место работы, чтобы вы окончательно убедились в том, что я не втягиваю вас в торговлю людьми или наркотиками. Но сперва мы подпишем договор.

– Но мне кажется, логичнее было бы сперва... – начала я, но тут агент неожиданно жестко оборвал меня:

– Нет. Сперва – договор, потом все остальное. Или давайте прощаться.

– Прощаться?

– Наталья, я потратил на вас слишком много времени и собираюсь потратить еще, если повезу за город, но я должен быть уверен в том, что делаю это не напрасно. У меня совершенно нет настроения раскатывать туда-сюда, пусть даже в компании такой барышни, как вы. Давайте начистоту – вам нужна работа, а мне нужны вы.

– Потому что вы знаете, что я не могу отказаться?

– Я не такой мерзавец, чтобы пользоваться безвыходным положением человека. Но в какой-то мере то, что вы нуждаетесь в работе, дает мне основания думать, что отказываться от моего предложения у вас нет причин. Их просто не может быть. Так что – мы едем?

Его глаза впились в мое лицо, и я уже совсем было собралась сказать «нет», но тут в мозгу промелькнула картинка – я являюсь домой и говорю маме, что отказалась. Дальнейшее умный орган на всякий случай заблокировал...

– Да, мы едем. Что я должна подписать?

Аделина

Мы улетели в понедельник. До вечера субботы я крутилась сумасшедшей белкой, пытаюсь закончить все дела в клинике, чтобы не оставлять Матвею никакой бумажной волокиты, требующей от него каких-то усилий. Он – хирург, и его место в операционной, это я уже привыкла совмещать административную работу с хирургией, а Мажаров к этому не стремился.

Когда я объявила на планерке, кто остается моим заместителем, на лице Василькова мелькнула довольная улыбка, а из груди вырвался вздох облегчения – он тоже не любил всей этой возни и лишней ответственности. Мне только было интересно: а чем подчиненные объяснят себе мой выбор? Личными отношениями? Но я тут же отогнала эту мысль – почему вообще меня это должно интересовать?

Я даже не позволила Мажарову проводить меня в аэропорт – так и сказала, мол, нечего в первый же день в новом статусе опаздывать на работу. Он, конечно, попробовал возразить, но потом махнул рукой и попросил только позвонить, когда устроюсь.

Сидя в самолетном кресле, я, закрыв глаза, пыталась представить, что сейчас происходит в клинике. Понедельник всегда самый суетный день, хотя операций не бывает, но перевязки, обход, консультации... Ощутимый толчок в бок вывел меня из раздумий.

– Ты хоть в отпуске расслабься, а? – предложила Оксана, протягивая мне стаканчик с соком.

– Я что – вслух?

– Как обычно. Ничего с твоей клиникой за десять дней не случится.

– Кто знает... – пробормотала я, делая глоток.

– Ой, брось, – беспечно откликнулась подруга. – Всех не прооперируешь.

– Да при чем тут...

– При том! Ты в отпуске, между прочим. И вообще – не будь эгоисткой и не отравляй мне отдых, я так давно никуда не выбиралась.

Тоже верно... Оксана не работала, но возможности вот так запросто выехать куда-то на отдых у нее все равно не было, Сева к самостоятельной жизни был приспособлен мало. Он мог приготовить себе еду, но через пару дней ему и это было бы недоступно, потому что в отсутствие Оксаны некому было бы убирать и мыть за ним посуду и сковородки с кастрюлями, а также заполнять продуктами холодильник. О стирке и уборке речь не шла вообще, Сева, мне кажется, даже не знал, для чего предназначен стоящий в ванной агрегат с вертикальной загрузкой. Даже не знаю, как она решилась на поездку со мной и каких трудов потом ей будет стоить уборка в квартире. Оксана, приучив мужа к почти материнской заботе, сделала Севу совершенно несамостоятельным и даже в чем-то беспомощным, о чем теперь жалела и пыталась, впрочем тщетно, что-то изменить.

– Ну, а ты чего хочешь? – всякий раз говорила я, выслушав очередную порцию ее жалоб на мужа. – Ты сперва ходишь за ним по пятам, поправляешь шарфик, шапочку, проверяешь рукавички в кармане и носовой платочек, подбираешь носки, чтобы из одной пары были, свитер к рубашке, стрелочки на брюках наглаживаешь – а спустя годы, когда он отвык делать это

все самостоятельно и даже думать об этом, хочешь от него каких-то телодвижений в эту сторону.

– Хочу! Мне муж нужен, а не сын-переросток!

– Поздно, дорогая. Ты показала мужчине, что все можешь сама, и даже за него тоже можешь, и по-другому он тебя уже не воспринимает.

Оксана злилась, понимая, что я права, но продолжала с каждым своим мужчиной проворачивать тот же сценарий, не понимая, что из мужчины-сына никогда не вырастет мужчина-отец. На эту тему, кстати, очень любил поговорить наш психолог Евгений Михайлович, и это был редкий момент нашего с ним полного согласия.

Я хорошо поняла смысл просьбы подружки, но по привычке попыталась оправдаться:

– Ксю, ты ведь знаешь – я привыкла все контролировать, мне сложно передавать кому-то свои обязанности...

– Ой, разумеется, Драгун, кроме тебя, хирургов-то нет!

– Да не в том дело...

– погоди... – подозрительно сказала она, протягивая стюарду пустые стаканы. – Ты что же – Матвея вместо себя оставила? – Я кивнула. – Ого... какое доверие-то... похоже, все серьезнее, чем мне казалось. Ты явно что-то к нему испытываешь, раз доверила самое дорогое – клинику! – последнее слово Оксана произнесла, с благоговением закатив глаза и воздев к небу ладони.

– Не ерничай, – попросила я. – Дело не в моем отношении к нему.

– Ну-ну, – понимающе закивала она. – Разумеется, не в отношении, это ж просто не для тебя. Ты у нас рождена, чтобы дарить людям надежду – так, кажется, ты любишь говорить?

– Когда это я такое говорила? – удивилась я, и Оксана отмахнулась:

– Ой, да не в словах дело, а в принципе! Но послушай меня, дорогая, уж поскольку в мужчинах я разбираюсь куда лучше, чем ты. Ничего тебе Матвей не испортит, да и что вообще можно испортить за десять дней? По-хорошему, надо бы у тебя телефон отобрать, чтобы никто не беспокоил, но я не зверь и делать этого не стану, так и быть. Но пообещай, что не будешь висеть на трубке часами, консультируя своих хирургов, ага?

Пришлось дать обещание.

И все бы ничего, если бы не неприятный сюрприз, от которого, насколько я смогла заметить, ошалела моя подружка. Мы разместились в своих номерах, наскоро разобрали вещи и решили сразу, не откладывая, совершить вылазку на пляж. В просторном холле отеля, когда мы уже подошли к выходу, вдруг раздалась русская речь, и Оксана схватила меня за руку:

– Твою ж мать... – шепотом произнесла она, изменившись в лице.

– Что случилось? – Я начала озираться по сторонам, отыскивая то, что могло так напугать мою подружку.

– Не верти головой! – прошипела она. – Левый диван в углу.

Я осторожно посмотрела туда и увидела компанию из трех женщин от двадцати пяти до тридцати и двух мужчин гораздо старше.

– Кто это?

– Видишь, вон тот, невысокий, в очках?

– Плешивый?

– Дура! Это просто волосы так растут!

– Ну, и мне что от этих знаний? Кто это?

– Ну, Арсений же!

– Какой, на фиг, Арсений? – разозлилась я.

– О господи, давай выйдем, пока он нас не увидел!

Судя по красным пятнам, покрывшим Оксанкино лицо и шею, этот Арсений входил в одну из категорий ее мужчин – либо «любимый человек», либо «запасной аэродром», и она никак не ожидала увидеть его здесь, в Испании.

– До моря десять минут пешком, – сказала Оксана, кинув взгляд в сторону лежаков у бассейна. – Может, здесь полежим?

– Да сейчас! – возмутилась я, поправляя шляпу. – Я не затем сюда летела, чтобы в хлорке лежать, у меня в клинике бассейн не хуже. Идем к морю. – И у Оксаны шансов не осталось.

Мы шли по улочкам Тоссы, и я ждала, когда же подруга соизволит объяснить причину своего странного поведения. Но она молчала и о чем-то напряженно думала.

– Ты объясниться не хочешь? – спросила я, не выдержав.

– А? Черт, даже не представляю, как такое возможно, – пробормотала она, сжимая ручки плетеной сумки.

– Оксанка, ты или говори все, или прекрати кудяхтать. Кто этот облезлый?

– Идиотка! «Облезлый»! – передразнила она. – Да это Арсений Колпаков!

Это громкое имя мне абсолютно ничего не говорило и не дарило никаких воспоминаний. Я пожала плечами:

– И по какому поводу я должна благоговейно умолкнуть?

– Господи, какая же ты бываешь ограниченная... Конечно, это ж не Пастер и не этот... как его... Рентген, во! Всего-навсего московский режиссер, – и она назвала сериал, который недавно шел по одному из центральных каналов.

Я подобных вещей не смотрела, а телевизор в моей квартире давно не был включен в розетку, но название я слышала – медсестры иногда обсуждали, когда думали, что их никто не слышит.

– И что?

– А то! Там есть два моих эпизода! Арсик их очень хвалил и сказал, что я гениальна!

– Погоди... так это тот самый режиссер, что пудрил тебе мозги пару лет назад? Вот не думала, что это продолжается, как и не думала, что он такой старый и плешивый, – фыркнула я не совсем деликатно.

– Ну, мы тоже уже немолоды.

– Не представляю, что могло бы меня подтолкнуть в объятия такого побитого молью кавалера, – совсем развеселилась я, наблюдая за тем, как вскипает Оксанка.

– Ну, ты у нас вообще не про отношения!

– Глядя на твоих кавалеров, даже радуюсь, что это так.

– Драгун, ты циничная, бесчувственная, бессердечная стерва!

– И сейчас особенно этим горжусь, – хохотала я, отскочив, однако, на безопасное расстояние от подруги, которая в гневе уже начала махать сумкой. – Лучше скажи, с чего ты так напряглась? Не ожидала увидеть?

– Он говорил, что едет на съемки куда-то на море, я подумала, что это Сочи или Крым... но чтоб Испания... да еще и мне не сказал...

– А почему ты думаешь, что он тут на съемках? Может, просто отдыхает? Вон и телочки с ними молодые.

– Прекрати, а? – жалобно попросила Оксанка. – Мне и так тошно...

– Ревнуешь? – с деланным сочувствием спросила я, чувствуя в душе легкое злорадство, – я любила Севу, и мне всякий раз было обидно за него.

– Как тебе объяснить... мне неприятно, что он врет.

– Технически он тебе не соврал – он же на море. Просто недоговорил, где именно.

– Вот это и бесит.

До пляжа дошли молча, расположились на шезлонгах под зонтом, и Оксанка ушла плавать, чтобы сбросить напряжение, а я задержалась, чтобы нанести на тело крем от загара –

совершенно не собиралась превращаться в курицу гриль. Застегивая «молнию» на пляжной сумке, я почувствовала искушение, глядя на торчащий в кармашке мобильный, но тут же заставила себя перестать об этом думать. Мажарову я написала, он в курсе, что я добралась до места, а в клинике за полдня еще ничего не могло произойти. Ну, будем на это надеяться, во всяком случае.

Оказывается, я успела забыть, как прекрасно входить в морскую воду, чувствуя, как она обнимает твои ноги, манит, зовет нырнуть и распластаться на спине, неторопливо шевеля руками и устремив взгляд в синее небо без единого облака. Это ощущение настолько захватило меня, что я на какое-то время совершенно выпала из реальности, а когда очнулась, обнаружила, что почти не вижу берега. Меня охватила паника. Я умею плавать, но не скажу, что свободно выдержу заплыв в открытой воде, особенно когда береговая линия маячит где-то в далекой перспективе.

– Аделина, возьми себя в руки, – проговорила я вслух, направляясь обратно. – Главное – не паниковать, дышать ровно, и все будет хорошо. Я обязательно доплыву, я же сильная.

Со стороны берега ко мне стремительно приближалась Оксана – у нее был разряд по плаванию, она все детство провела на дорожках бассейна, потому ей не составило особого труда доплыть до меня.

– Ты как? Держишься? Помочь? – не приближаясь слишком, спросила она.

– Нормально. Ты меня руками не трогай только, я тогда совсем забуду, какой конечностью двигать, – попросила я.

Прикосновения в воде были для меня самым страшным – в такой момент я действительно забывала, как плыть, как дышать, и могла утонуть даже на небольшой глубине. Оксана знала эту мою особенность, потому согласно кивнула:

– Ты плыви спокойно, я рядом, если что.

Только у самого берега я почувствовала, как меня покидают силы, с трудом дотянула до кромки и легла навзничь, не обращая внимания на то, что меня с головой захлестывает прибрежной волной. Оксана распласталась рядом:

– Ты меня так напугала... я ж уже из воды вышла, стою, обсыхаю, а мне вдруг женщина говорит по-английски – мол, это не ваша подруга так заплывала? Я глянула – мать моя, это ж куда тебя занесло-то... и давай быстрее к тебе.

– Спасибо, – пробормотала я, с трудом размыкая сведенные спазмом челюсти. – Даже не понимаю, как это произошло. Никуда плыть не собиралась, лежала на спине – и вот...

– Больше одна не пойдешь, – отрезала Оксана, выжимая воду из собранных в хвост волос. – Не хватало еще в гробу тебя отсюда тащить.

После пережитого стресса я уснула прямо на шезлонге под зонтом, даже не вспомнив, что могу сгореть.

Матвей

Без Аделины в клинике было довольно непривычно. Даже после нападения она отсутствовала только два дня, и те пришлось на выходные, а потом лежала здесь же, подстраховывая заменявшего ее Василькова. Сейчас же Матвей шел по коридору и понимал, что ощущает какую-то пустоту, как будто Аделина занимала все пространство клиники.

«Надо же, как я привык к ней, – думал Мажаров, шагая в корпус, где располагалось отделение, в котором пациентов готовили к операциям. – Она только улетела, а я уже думаю, что мне не с кем будет поужинать сегодня, и завтра, и еще восемь дней. Мне будет не хватать ее присутствия в соседней операционной, не будет возможности поднять голову и увидеть ее, склонившуюся над операционным полем. Кажется, я действительно влюбился, и это странно. Целый год я удерживался на грани дружбы и легкого, ни к чему не обязывающего флирта, и

вот пришел момент, когда я понимаю, что лечу в пропасть, и это падение меня не пугает, а радует. Главное, чтобы и она чувствовала то же».

В первую очередь Матвей зашел к молодому человеку, которого готовили к операциям на носу и ушных раковинах. Парень ему нравился – открытый, добрый, не озлобившийся от насмешек одноклассников в детстве, а это ведь довольно трудно – не спрятаться в ракушку, а улыбаться навстречу оскорблениям и не принимать их близко к сердцу.

– Пройдет пара месяцев, и ты даже не вспомнишь, каким был до операции, – сказал Матвей, закончив осмотр.

– Почему? Останутся фотографии.

– Ты не планируешь их уничтожить?

– А с чего бы? – удивился пациент. – Я же не истеричная барышня. Я прожил с этой внешностью часть жизни, так зачем же мне уничтожать эту часть?

– Вот это правильно, – кивнул Мажаров. – В общем, настраивайся, готовься морально и ни о чем не переживай, все будет хорошо.

Парень кивнул и улыбнулся.

Странную пациентку Куликову Матвей как-то подсознательно оставил напоследок. Он несколько раз общался с ней, и это всегда оборачивалось то истерикой, то какими-то обвинениями. Конечно, можно было подключить Аделину, и та быстро поставила бы пациентку на место, но Матвей сознательно отстранил шефиню от процесса – чтобы она спокойно улетела в отпуск. Он и сам в состоянии разобраться с претензиями.

Куликова сидела в постели, укутав ноги одеялом, словно в палате было холодно, хотя на самом деле в окно даже сквозь опущенные плотные шторы пробивались солнечные лучи. На коленях у нее стоял ноутбук, и пациентка споро бегала пальцами по клавиатуре, но едва Матвей закрыл за собой дверь, Куликова резким движением захлопнула крышку и обхватила ноутбук обеими руками, прижав к груди, словно Мажаров намеревался его отнять.

– Доброе утро, Наталья Анатольевна, – поздоровался Матвей, подтягивая ногой табуретку и садясь рядом с кроватью пациентки. – Как настроение? Как спали?

– Вам в самом деле интересно? – желчно поинтересовалась Куликова, по-прежнему прижимая к груди ноутбук. – Или по протоколу положено?

– Вы не устаете все время сердиться, Наталья Анатольевна? Позвольте руку, я пульс посчитаю.

– А вы не устаете быть таким приторно заботливым?

– В чем вы заметили приторность? – положив пальцы на ее запястье, спросил Матвей.

– Когда вы входите в палату, мне немедленно хочется квашеной капусты – до того вы сладкий и лучезарный.

«А ты наглая, хамовитая баба, у которой явно проблемы в жизни, – подумал Матвей, стараясь не выдать своей неприязни. – И, не будь я твоим врачом, уже выгнал бы к чертовой матери».

– Если я вас раздражаю, можете сменить врача, в нашей клинике это допустимо, – сказал он вслух, хотя ответ уже предвидел.

– Еще чего! – оправдала его ожидания Куликова. – Я же не идиотка и навела справки. После владелицы клиники вас считают номером один. Я плохо лажу с женщинами, потому выбор в пользу вас очевиден.

«С мужчинами ты тоже не ладишь, но больше вариантов нет».

– Наталья Анатольевна, давайте начистоту поговорим, – предложил Матвей и сразу почувствовал, как напряглась ее рука.

Куликова выдернула ее из пальцев Матвея:

– Зачем? Вы хирург, ваше дело исправлять внешность, а не лезть в душу.

– При таких объемах оперативного вмешательства, какие предстоят вам, мне бы хотелось понять истинную причину. От нечего делать люди лобные кости не пилят, должна быть какая-то внутренняя причина.

Ее глаза стали совсем узкими:

– Уж наверняка. Но вам об этом знать не нужно.

– Как посмотреть. Возможно, я пойму и внутренне приму ваше желание. Я не могу делать то, что сам лично не считаю оправданным. В вашем случае...

– В моем случае я плачу кучу денег и не желаю, чтобы вы лезли мне в душу, – отрезала Куликова враждебно.

– Вы искренне считаете, что деньги все решают?

– А вы так не считаете?

– Нет. И мне очень жаль вас, если вы на самом деле думаете так.

– А вы банальны, – разочарованно проговорила пациентка, скорчив печальную мину. – Такой внешне интересный человек оказался так примитивно устроен внутри.

– Вы психолог?

– А это обязательно, чтобы в людях разбираться?

– А вы уверены, что разбираетесь?

– Да, – твердо сказала Куликова. – И гораздо лучше, чем вы можете представить.

– Пусть так. Но вы в себе-то сперва разберитесь. А то какая-то вы путаная, вся в узлах – не кажется? – уже потеряв терпение и не контролируя то, что произносит, предложил Матвей. – И раз уж я начал, то скажу – я отлично вижу, как вас что-то гложет изнутри, настолько сильно, что вы не можете этого принять. И потому хотите перекроить внешнее, чтобы заглушить внутреннее и постепенно подогнать его под новый облик. Только вы ошибаетесь, Наталья Анатольевна, это не поможет вам стать новым человеком.

Он взглянул в лицо пациентки и вдруг увидел, что она с такой силой закусилась нижней губой, что из нее даже пошла кровь.

– Я позову медсестру. – Он поднялся и, вернув табуретку на место, пошел из палаты.

– Оставьте меня в покое! – выкрикнула ему в спину пациентка. – Оставьте меня все в покое, вы ничего обо мне не знаете! Просто сделайте то, за что я заплатила!

– Безусловно. Ведь мы здесь именно для этого – выполнять ваши прихоти за ваши деньги.

– И неплохо бы посмотреть макеты, – понеслось вслед. – Я хочу наглядно увидеть то, что будет после операций.

Матвей еле сдержался, чтобы не шарахнуть дверью палаты. Макеты «до» и «после» у него были готовы, но сейчас он вообще не был уверен в том, что хочет показывать их Куликовой. Уж точно – не сегодня. На посту он попросил дежурную сестру осмотреть рану на губе пациентки и направился в ординаторскую. У него был ключ от кабинета Аделины, но он предпочел все-таки не вторгаться туда. Да и лишних разговоров не хотелось, хотя прежде Драгун оставляла ключ тому же Василькову – в кабинете лежали документы, которые могли понадобиться срочно. Но в случае с Матвеем ситуацию можно было истолковать двояко, и вот этого он как раз не хотел. Аделина не стремилась слишком явно демонстрировать свои неслужебные отношения, и это должно так и остаться до тех пор, пока она сама что-то не решит. Матвей просто не имеет права вторгаться туда, куда его по пока непонятным для него причинам не пускают.

– Что с лицом? – поинтересовался анестезиолог Сергей, едва Матвей переступил порог ординаторской.

Мажаров только рукой махнул:

– Не спрашивай.

– Ну, как хочешь. Ты не дежуришь сегодня?

– Нет, завтра. Не знаешь, в расписании операций изменений нет?

– Вроде нет.

– Хорошо.

Сергей отодвинул клавиатуру и потянулся к пульту телевизора:

– Не возражаешь, если новости включу?

– Давай, хоть послушаю, что в мире делается.

Мажаров включил свой компьютер и принялся вносить правки в назначения. Добравшись до файла с историей болезни Куликовой, он щелкнул кнопкой мыши и открыл макеты. С левой стороны монитора на него смотрела нынешняя Куликова – угрюмая, с покатым выпуклым лбом, с поджатыми губами и каким-то затравленным взглядом узковатых глаз. С правой же – вполне миловидная женщина, имевшая с ней мало общего, кроме одного. Того, что сразу бросалось в глаза. Взгляд Куликовой на макете «после» никак не изменился, так и остался затравленным и настороженным, и даже компьютерная программа не смогла ничего исправить. «Интересно, когда я ей это покажу – поймет? Увидит? Подумает? Наверное, нет. Слишком уж она настроена на кардинальные перемены. Все бесполезно».

– Ух ты... – сказал Сергей, подавшись вперед, и прибавил громкость. – Смотри, что делается...

Матвей отвлекся от монитора и перевел взгляд на экран телевизора на стене. Шла криминальная хроника. Камера охватывала красивый дом из красного кирпича, сложенный в стиле средневекового замка – с башенками по углам, с большими витражными окнами. Оцепление не оставляло сомнений в том, что в доме совершено преступление.

– Что, какого-то чиновника на взятке поймали? – спросил Матвей, и анестезиолог проговорил, не отводя взгляда от экрана:

– Нет. Умерла Аглая Волошина.

– Кто это? – Имя казалось смутно знакомым, но Матвей никак не мог припомнить, где и от кого его слышал.

– Да ты что? Это же писательница, которая никогда не давала интервью. Сейчас как раз сериал идет по ее книгам. Моя жена на час из жизни вырубается каждый вечер – хоть умрите все, но ее не троньте, пока титры не пойдут.

– О, точно! – вспомнил Матвей. – Мама моя скупила, кажется, все ее книги – три полки в шкафу точно помню. Еще думаю – откуда имя знакомо... А подробностей нет?

– Да журналистов в дом не пускают, видимо, так интригу и держат – ее ж никто не видел никогда. Мы с Елизаветой моей даже поспорили – я говорю, что как человек Аглая не существует, просто проект, где несколько авторов, а она утверждает, что нет – мол, стиль не подделашь.

– Выходит, Елизавета выиграла. Кого-то же нашли мертвым в доме этой Волошиной.

– Ну, мало ли... Погоди-ка... – Сергей добавил громкости.

– ...по всей видимости, труп пролежал в доме около семи суток, но точной информации сотрудники правоохранительных органов пока не дают, – сказал корреспондент, и камера снова взяла крупным планом дом и стоявшую у ворот машину оперативной группы.

– Нормально... – проговорил анестезиолог. – Это ж что выходит – целую неделю никто не спохватился? Она одна жила, что ли?

– Видимо, да, – откликнулся Матвей. – В любом случае это теперь будет новостью номер один – такая интрига. Писательница, лица которой никто не видел, погибает при неясных обстоятельствах. Прямо сюжет нового романа.

– Только Волошина его уже не напишет.

В это время в ординаторскую вошла дежурная сестра Женя:

– Матвей Иванович, там у Куликовой истерика.

– Истерика? Вы ей губу обработали?

– Да. А сейчас она воеет и никого к себе не подпускает.

– Позвоните Евгению Михайловичу, пусть тоже подойдет, я сейчас.

Матвей закрыл файл, набросил поверх хирургической робы белый халат и отправился в отделение.

Куликова забилась в угол палаты, натянула на голову капюшон серой толстовки и, обхватив колени руками, протяжно завывала, бормоча что-то нечленораздельное. При любой попытке второй медсестры приблизиться она немедленно начинала колотиться головой о стену и визжать, срывая голос:

– Не подходите! Не подходите ко мне!

– Люда, оставьте нас, – попросил Матвей. – Когда Евгений Михайлович придет, сразу сюда его.

Медсестра кивнула и вышла, закрыв дверь, а Куликова снова уткнулась лицом в колени и заскулила. Матвей остановился в шаге от нее, присел на корточки и тихо спросил:

– Наталья Анатольевна, я могу помочь?

Она только помотала головой, но не умолкла, продолжая терзать пространство монотонным воем.

– Что-то случилось? Не хотите поговорить?

Снова то же движение головой. Матвей видел в своей жизни немало истерик, но так и не научился справляться с ними, вернее, не знал иного способа, кроме хорошей оплеухи, но не бить же пациентку, женщину, уступающую ему в весе раза в два? Он понимал, что никакими словами не прекратит происходящего, нужно ввести препарат, но как сделать это, не применив физическую силу, пока тоже не знал. Оставалось надеяться, что более опытный в таких вопросах психолог сумеет сделать то, что нужно.

Куликова по-прежнему раскачивалась, как ванька-встанька, и протяжно выла в колени. Матвей растерянно оглянулся, пытаясь понять, не могло ли что-то в палате вызвать такую реакцию. Ноутбук был закрыт и лежал на тумбочке, а вот телевизор, висевший в нише напротив кровати, работал, хоть и без звука. Заканчивалась новостная программа. Телефон? Матвей снова огляделся, но не обнаружил нигде мобильного.

«Может, в кармане лежит, вон как оттопырился», – подумал он, бросив взгляд на серые спортивные брюки пациентки.

– Наталья Анатольевна, вам кто-то позвонил?

И тут она подняла на него красное, все в пятнах, заплаканное лицо и смирла его таким злобным взглядом, что Матвей невольно подался назад и упал, не удержавшись на корточках.

– Отвяжитесь от меня! – заорала Куликова так пронзительно, что у Мажарова заложило ухо. – Отвяжитесь – чего непонятного?! У человека не может быть плохого настроения?!

– Разумеется, может, особенно в клинике, – раздался от двери спокойный голос Евгения Михайловича, входившего в палату. – Это вполне нормально – в ожидании пластической операции испытывать тревогу и даже раздражение. Незнестность всегда пугает, это вполне понятно. Матвей Иванович, вы идите, мы тут сами, да, Наталья Анатольевна?

То ли вид психолога, то ли его голос подействовал на пациентку, но она вдруг поднялась, села на кровать и пробормотала:

– Простите... я совсем... простите, пожалуйста, – и зарыдала, как ребенок, уткнувшись лицом в ладони.

Психолог сел рядом, приобнял ее за плечи:

– Ничего, ничего... все в порядке... вы поплачьте, это ничего... – а свободной рукой сделал знак Мажарову, чтобы тот уходил.

Матвей постарался сделать это как можно тише, словно боялся помешать.

Психолог вернулся в ординаторскую через час, открыл окно и закурил, присев на подоконник. Матвей терпеливо ждал, пока он заговорит сам, не стал торопить расспросами. Докупив, Евгений Михайлович повернулся к нему:

– Она успокоилась, дала сделать инъекцию, когда я уходил, уснула.

– Не сказала, в чем дело?

– Нет. Она вообще какая-то странная, вам не показалось?

– Ну, я видел список предстоящих операций, сам же составлял, – пожал плечами Матвей. – Чтобы захотеть таких кардинальных перемен, нужно иметь либо веские причины, либо большую голову.

– А вы как думаете – зачем ей это?

– Представления не имею. Это уже ваша епархия, так сказать.

– Но у вас ведь сложилось какое-то свое впечатление?

– Честно скажу – мне она кажется ненормальной, – произнес Матвей, отодвигаясь от стола. – Но вы ведь не нашли никаких отклонений, раз подписали бумаги, так?

– Если говорить о психическом здоровье, то никаких патологий у нее нет. А вот что там в душе на самом деле... Она не очень контактная, надо признать. Твердит, что устала жить с такой внешностью.

– Но вы ведь ее видите точно так же, как я. Ничего экстраординарного в ее внешности нет. Во всяком случае, такого, с чем невозможно жить.

– Ну, для женщин иной раз горбинка на носу уже причина для недовольства, а то и для трагедии. – Евгений Михайлович закрыл окно и расположился на диване, закинув ногу на ногу. – Мне кажется, что ее внутри что-то гложет, но она старательно это скрывает, и я никак не могу подобраться к этому. На вопросы о семье она отвечает крайне сухо и неохотно, настаивать я не могу, иначе совсем закроется. Сказала, что живет одна, и, судя по всему, это правда – за все время ее никто не навещал, я специально спросил у сестер, она не подавала заявку на пропуск.

Матвей заложил руки за голову и откинулся на спинку кресла. Про заявку на пропуск он знал, потому что ничего не подписывал, а это входило в обязанности лечащего врача – обеспечить родственникам пациента вход на территорию клиники. Пациент подавал список, врач выписывал пропуска, отдавал старшей сестре, а та передавала список и пропуска на шлагбаум. Но Куликова никакого списка Матвею не подавала, хотя он напомнил ей об этом на второй день ее пребывания в клинике.

– А кем она работает, кстати? – спросил он, припомнив, что на этот вопрос пациентка ответила уклончиво – случайная подработка.

– Сказала, что занимается копирайтингом.

«Такое впечатление, что она врет кому-то из нас, либо мне, либо психологу. И потом – откуда тогда деньги на дорогую клинику и операции? Она не похожа на человека, располагающего такими суммами. Но первый взнос был оплачен в тот же день, как был выставлен счет».

– Она вам не нравится? – спросил Евгений Михайлович, и Матвей почему-то почувствовал подвох в этом вопросе.

– Она и не должна мне нравиться, – пожал плечами, отозвался он. – Мне на ней не жениться.

– Но вы испытываете к ней неприязнь, – настаивал психолог, и Матвей вдруг начал злиться.

– Тест на профпригодность?

Евгений Михайлович поднял вверх руки:

– Боже упаси! Просто стало интересно.

– Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство? Тогда, с вашего позволения, вернусь к работе. – Матвей придвинулся к столу и щелкнул кнопкой мыши, заново открывая файл с историей болезни.

Психолог посидел еще какое-то время, потом поднялся и вышел из ординаторской.

«Почему мне в последнее время кажется, что он меня изучает, как под микроскопом злокачественные клетки? Вопросы задает, присматривается, – думал Матвей, вбивая в файл запись о сегодняшней истерике Куликовой. – Как будто в чем-то подозревает. А я, как дурак, уже чувствую себя в чем-то виновным, хотя это абсолютно не так».

Наталья

К моему удивлению, поехали мы не на машине, а электричкой. Работодатель объяснил это желанием показать мне маршрут, хотя, как я понимала, он не представлял особой сложности. В электричке мы долго молчали, я рассматривала окрестности, а агент читал какую-то рукопись в электронной читалке. Судя по брезгливой гримасе, то и дело кривившей его лицо, текст оставлял желать лучшего. Вадим Сергеевич прикусывал губу, хмурил брови и качал головой, проматывая целые куски.

– Очень плохо? – не выдержала я, и он сунул мне читалку:

– А сами посмотрите.

«Ранним теплым солнечным осенним утром, блещущим той особой сентябрьской прелестью, что характерна только для этого периода, молодая стройная блондинка с длинными струящимися волосами, отливавшими спелой пшеницей и струившимися по тонкой балетной спине ярким водопадом...» – прочитала я и глупо хихикнула:

– Что это? Похоже на словарь эпитетов.

Вадим Сергеевич кисло улыбнулся:

– Не угадали. Роман начинающей и ну о-очень талантливой писательницы. Вас впечатлило?

– Вполне. Но вы ведь не собираетесь это издавать?

– Я что, похож на идиота? Мне никогда этого не продать. Это даже отредактировать невозможно, разве что заново переписать. Но и на такую работу я вряд ли кого-то найду. Или, может, вы возьметесь?

Я замотала головой:

– Ни за что. Меня уже укачало, а это только первая строка.

– Дальше еще хуже, – заверил агент.

– Куда уж хуже-то?

– Поверьте на слово или возьмите почитать.

– Нет, спасибо. И часто вам такое присылают?

– Значительно чаще, чем хотелось бы. И значительно больше, чем по-настоящему хороших текстов, – вздохнул он. – Такая работа. Приходится прочитывать горы подобных шедевров, чтобы найти один стоящий роман. Если бы не Аглая, я бы уже на паперти стоял.

– А вы с ней давно знакомы?

– Собственно, с нее и начался мой бизнес. Первая же книга нам принесла хорошие деньги, а со временем и тиражи увеличились, и экранизации пошли. Ну, вы, наверное, видели эти сериалы?

Мне было стыдно признаться, что я практически не смотрю телевизор, потому я предпочла неопределенно кивнуть.

– В общем, Аглая – мой лучший проект, а все остальное просто работа, иногда приносящая кое-что. Но крутится все вокруг Волошиной. Потому я исполняю любой каприз моей

звезды и уделяю ей практически все свое время. Она должна быть спокойна, довольна жизнью, и я ей это обеспечиваю, а от нее требуется только одно – писать.

– И какова же будет моя роль?

– Вы будете ее личной помощницей, нянькой, стенографисткой, кухаркой – всем, что она потребует. Вы умеете готовить?

Это я умела – а чем еще заниматься, когда постоянно сидишь дома?

– Аглая не привередлива и не потребует молочных поросят, фаршированных перепелами, не волнуйтесь.

– Я должна буду сама покупать продукты? В поселке есть магазин?

– Это в ваши обязанности не входит. Все необходимое привозит Ростик, вам только нужно будет сообщать ему, что требуется. Магазин есть, в крайнем случае сможете сходить сами, – объяснил Вадим Сергеевич. – И прошу вас, Наташа, ничему не удивляйтесь и не задавайте вопросы.

«Он уже в который раз произносит эту фразу, – подумала я. – Что же меня ждет в этом поселке?»

Мы вышли на станции и направились пешком по улице, застроенной домами из красного кирпича, окруженными коваными заборами.

– Почему здесь дома одинаковые? – спросила я, озираясь по сторонам.

– Типовая застройка, – объяснил Вадим Сергеевич. – Кажется, что они рядом, но на самом деле территория позволяет соседям не мешать друг другу. Здесь довольно тихо и спокойно, собственно, поэтому я и посоветовал в свое время Аглае купить дом именно в этом поселке.

Вскоре мы остановились у дома в самом конце улицы, и Вадим Сергеевич нажал кнопку звонка на калитке. Когда она открылась, агент пропустил меня вперед и в спину снова сказал:

– Помните – ничему не удивляться и вопросов вслух не задавать. Все, что захотите, спросите на обратном пути.

На дорожке, ведущей к дому, он обогнал меня и первым поднялся на крыльцо. Дверь открыла высокая спортивно сложенная женщина средних лет.

– Здравствуйте, Катя. Знакомьтесь, это Наталья.

Я выдавила улыбку, хотя внутри все почему-то похолодело от неизвестности, поджидавшей меня за этой дверью.

– А это Катя, – продолжал Вадим Сергеевич. – Она врач-физиотерапевт, вы будете встречаться три раза в неделю.

Мы вошли в просторный холл, и я увидела винтовую лестницу, ведущую на второй этаж. Справа от нее виднелась просторная кухня с белой деревянной мебелью, слева – дверь в комнату, которая, как объяснил агент, будет моей.

– Чуть позже вы там оглядитесь и скажете, что еще вам потребуется, Ростик привезет. А теперь идем знакомиться с Аглаей Максимовной. Катя, вы закончили?

– Да, на сегодня все, – кивнула она. – Когда Наталья приступает?

– Завтра с утра, как мы с вами и договаривались. Деньги я перевел.

– Тогда я буду пока в кухне, сварю кофе.

Катя ушла, а Вадим Сергеевич пояснил:

– Я попросил ее сегодня переночевать тут, а утром она уедет. Ну что, готовы к встрече?

Я кивнула, все еще не в силах произнести ни слова, и мы поднялись по лестнице на второй этаж. Сердце мое отчаянно колотилось в ожидании чего-то неизвестного. И эти ожидания оправдались, едва я переступила порог комнаты.

Аделина

Я совершенно не умею отдыхать, что выяснилось на второй же день отпуска. Пока Оксана сладко спала в своем номере, я, спустившись в лобби, взяла чашку кофе и уселась в кресло под небольшой пальмой, и, открыв привезенный с собой ноутбук, решила, что могу заняться редактурой статьи.

Вчитываясь в строчки на экране, я совершенно потеряла чувство времени и утратила способность ощущать реальность. Так бывало всегда – работа стала смыслом моей жизни, я чувствовала себя полноценной только в операционной, лаборатории или, как сейчас, за написанием статей.

Реальность напомнила о себе мужским голосом за спиной:

– И я ума не приложу, что теперь мне с этим делать! Как работать, где материал брать? Как вообще могло произойти подобное, объясните мне?!

Неприятный тембр резал слух, я поморщилась, обернулась и увидела Оксанкиного уха-жера. Он сидел на диване боком ко мне, а его собеседник расположился за моей спиной. Режиссер был чем-то возбужден и раздосадован, лицо в красных пятнах, очки сползли на кончик носа, сальные волосики прилипли к черепу, придавая и без того небогатой внешности вид совсем уж жалкий. Что в нем нашла моя подруга, понять было невозможно.

– погоди панику разводить, еще ничего не понятно, – вяло отозвался собеседник режиссера. – Может, просто «утка», ход для привлечения внимания?

– Ты в себе?! – взвизгнул режиссер. – Совсем не соображаешь?! Есть вещи, которыми не шутят и не устраивают из них рекламу!

– Не ори, народ кругом, – отрезал собеседник. – Надо все точно узнать, потом будем думать, что делать. Пока материала достаточно для работы, снимай, а дальше решим.

– Да что мы решим-то?! Как решим?!

– Сказал же – уймись. Пока есть работа – делай, я разберусь.

– Ну, на то ты и продюсер, – съязвил режиссер. – Только мне вот интересно – как именно?

– Это уже не твоя забота.

– Ну-ну...

Они посидели молча еще пару минут и ушли, а я подумала, что нет ничего хуже, чем мужик-истеричка. Наверняка он не только в работе такой, но и вообще. А жить с мужичиной-истеричкой равносильно тому, чтобы пытаться тушить пожар медицинским спиртом – всегда существует возможность не успеть отскочить, чтобы волосы не опалило.

– Вот ты где! – Ко мне стремительно приближалась Оксана в развевающемся сарафане. – А я стучу в дверь, стучу – гробовая тишина! Так и знала, что ты тут работать уселась! Драгун, ты нормальная? Мы отдыхать приехали!

– Так отдыхай, кто тебе мешает? – закрывая ноутбук, поинтересовалась я.

– Ты! Ты мне мешаешь и внушаешь комплекс неполноценности!

– Интересно, чем это?

– Своей патологической работоспособностью, – опустившись в кресло, сообщила подруга. – Это просто неприлично.

– Ну, прости. Кофе будешь?

– Буду. И давай уже сворачивай бурную деятельность, идем купаться.

Памятуя о вчерашнем неудачном заплыве, я благоразумно курсировала вдоль берега на глубине не более двух метров, хотя Оксана предлагала сплавать хотя бы немного подальше. Но меня охватывал ужас при одном воспоминании о большой глубине, и я отказалась:

– Ты плыви, а я уж тут поплюхаюсь, по колено. – Оксана встретила мои слова смехом и уплыла, грациозно выкидывая из воды то одну руку, то другую.

Я же перевернулась на спину, стараясь при этом не выпускать из виду берег, и так покачивалась на воде какое-то время. Мне вдруг пришло в голову, что я скучаю по Мажарову. Это оказалось довольно неожиданным открытием – я-то думала, что расставила приоритеты и отношения с Матвеем в них вообще никак не значатся. Но именно сейчас мне вдруг захотелось хотя бы голос его услышать, и вовсе не потому, что надо узнать, как дела в клинике. Я выбралась на берег, закуталась в полотенце и вынула мобильный. Матвей ответил буквально через пару гудков:

- Слушаю вас, Аделина Эдуардовна.
- А почему так официально? – слегка растерялась я.
- Ну, вы ведь по делу звоните?
- В общем-то нет...
- О... – похоже, он тоже опешил и не знал, что сказать.

«Ну, давай, скажи, что позвонила потому, что соскучилась, – подталкивал меня внутренний голос. – Просто возьми и произнеси – мол, Матвей, мне тебя не хватает». Но мой язык словно прилип к небу и никак не желал шевелиться.

- У тебя все в порядке? – нарушил молчание Матвей.
- Д-да... – с запинкой вывернула я. – Все очень хорошо...
- А по голосу не скажешь.

Снова повисла неловкая пауза. Я ругала себя за то, что не могу произнести такую простую фразу, но что-то внутри подсказывало, что Матвей и без слов все понял.

– Мне тебя не хватает, – сказал он чуть севшим голосом, и сердце мое радостно бухнуло – он тоже думал обо мне.

– И мне, – наконец-то нашлась фраза, которая произнеслась легко и соответствовала моменту.

- Но ведь ты скоро вернешься. Позволишь встретиться?
- Да, – выдохнула я, едва не теряя сознание. – Конечно.
- Тогда продолжай отдыхать и ни о чем не беспокойся. Здесь все в порядке.

Я сбросила звонок и прижала трубку к груди. За весь год у нас не было более откровенного разговора, чем этот. Я видела, что нравлюсь ему, но как-то подсознательно возводила между нами стену – не хотела повторения ситуации с Одинцовым. Но Мажаров даже отдаленно не напоминал его, и почему-то именно здесь, в Испании, далеко от Матвея, я осознала, что не права, отталкивая свое возможное счастье. Матвей ни разу не обманул меня даже в мелочи, не подвел, не позволил себе лишнего. Он надежный, спокойный, уверенный – что мне еще-то нужно? Почему я рассматриваю мужчин через призму их отношения к моей работе? Разве не глупо подозревать того же Мажарова в желании заполучить клинику, например, или присвоить мои научные разработки? Почему мне никогда не приходило в голову подумать о том, что ему нужна только я – вот такая, как есть? Почему я решила, что как человек, как женщина ничего собой не представляю и могу вызывать интерес только в совокупности со своей работой? Оксана права – я идиотка.

– О, какая блаженная улыбка, – произнесла вернувшаяся из воды подруга, протянув руку за полотенцем, и капли упали на мое лицо. – Кто звонил?

- Я, – с глупым лицом сказала я.
- Прогресс. И что он сказал?
- Что встретит меня в аэропорту.

– Драгун, ты делаешь успехи. Еще семь дней – и я сделаю из тебя настоящую женщину. А теперь убери-ка мобильный в сумку, пока не возникло желание позвонить еще раз и отменить встречу.

Я рассмеялась:

– Нет, дорогая, я не передумаю. Хватит быть несчастной.

– А ты несчастна? – растягиваясь в шезлонге, поинтересовалась Оксана.

– Наверное, да. Мне сложно в этом признаться, ты ведь знаешь. Но что у меня есть в жизни, кроме работы? А ведь это далеко не все.

– Наконец-то до тебя это дошло. Карьера хороша, но она не заменит человеческого участия.

– Зато она не предаст.

– Ой, хватит! – оборвала Оксана, опуская солнечные очки с волос на глаза. – Тебе пора перестать жить прошлым. Одинцов твой сидит, там ему в общем-то самое место. А Мажаров – отличный мужик, и он тебе подходит. А знаешь почему? Потому, что готов мириться с твоим трудоголизмом и не заставит выбирать между работой, которую ты так нежно любишь, и собой.

– Я иногда думаю, что это вовсе не достоинство.

– О, поехали... ты определись, чего хочешь-то? Мужчину, который не будет посягать на твои святыни, или мужчину, который возьмет тебя за шиворот и скажет – сиди дома и вари суп? Знаю тебя, вряд ли ты интересуешься последним вариантом. Тогда расслабься и позволь Матвею делать все так, как он считает правильным, потому что он тебе вреда не причинит.

– Это откуда у тебя такая уверенность?

– Оттуда! – выдала все объясняющую фразу Оксана и умолкла.

Матвей

Звонок Аделины застал его врасплох. Не удивил, а именно заставил слегка растеряться – Матвей как раз в эту минуту думал о ней, и вдруг имя на дисплее. Перед первой операцией Куликовой это оказалось весьма кстати. Матвей никак не мог настроиться, и тут – Аделина. Ее голос вернул ему уверенность и спокойствие, а разрешение встретить в аэропорту и вовсе вселило надежду на то, что сейчас он войдет в операционную и сделает свою работу блестяще.

Готовясь к операции, он водил щеткой по рукам и насвистывал, чем вызвал недоуменные взгляды операционной сестры и анестезиолога – никогда прежде Мажаров не позволял себе такого.

– Матвей Иванович, с вами все в порядке? – поинтересовалась Люба, подавая ему халат.

– Более чем, – весело заверил Матвей, просовывая руки в рукава. – А что?

– Какой-то вы странный.

Матвей ловко воткнул левую руку в перчатку, затем проделал то же с правой и улыбнулся Любе:

– Хмурым я нравлюсь вам больше?

– Хмурым вы мне привычнее.

– Значит, придется привыкать к новому Мажарову.

– Да? Ну, попробую, – улыбнулась операционная сестра. – Больная готова.

– Замечательно. Сегодня подарим Наталье Анатольевне новый лоб, раз уж он ей зачем-то так нужен. Настраивайтесь, Любочка, операция будет длительной.

– Я свободна до вечера, – снова улыбнулась сестра.

– А потом?

– А потом мой молодой человек ведет меня в кино.

– И это прекрасно! Надеюсь, что не задержу вас дольше, чем рассчитывал.

Куликова уже крепко спала, анестезиолог сидел рядом, наблюдая за показаниями приборов.

– Можем начинать? – спросил у него Матвей, и Сергей кивнул:

– Да, у меня все в порядке.

Матвей проверил еще раз разметку, сделанную им на лбу пациентки еще утром во время обхода, и протянул руку в сторону стерильного стола с инструментами:

– Скальпель, пожалуйста.

Люба привычным жестом подала инструмент, и Матвей, чуть склонившись, сделал разрез по линии роста волос от уха до уха. Операция предстояла довольно тяжелая и длительная – сейчас ему придется удалить костные перемычки, отшлифовать лобную кость, уменьшив ее размер, затем натянуть скальп обратно, зашить разрез и наложить бандаж. Куликовой предстоит несколько недель наблюдать отек лица, терпеть зуд в области шва, а то и боль, но она сама этого хотела. Следующая операция будет на глазах, затем нос и губы. В принципе необходимости лежать все это время в клинике не было, но пациентка пожелала остаться тут на весь период лечения и реабилитации, так что пару-тройку месяцев она проведет здесь. Матвей надеялся, что в конце концов сможет понять причину, приведшую эту странную даму на операционный стол.

Он вышел из операционной с ощущением хорошо сделанной работы – так бывало всякий раз, когда он вкладывал душу в то, что делает. И даже его сомнения по поводу пациентки не мешали Матвею выполнить свой долг – в конце концов, его не должен волновать ни моральный облик, ни взгляды на жизнь того человека, что доверил ему свою внешность. Главное, чтобы, очнувшись от наркоза, Куликова почувствовала себя хоть немного счастливее, раз уж выпуклый лоб так мешал ей это ощутить.

В ординаторской он сперва выпил горячего чая с сахаром, посидел пару минут, закрыв глаза, и только потом открыл файл с историей болезни Куликовой, чтобы внести туда протокол операции.

«Мы проводим манипуляции с телом, но как часто нам важно то, что творится у пациента в душе? – вдруг подумал Матвей, не успев даже прикоснуться к клавиатуре. – Ведь зачем-то она делает это с собой? Почему мне не дает покоя этот вопрос? Почему мне все время кажется, что она врет и что-то скрывает?»

Он встал из-за стола и направился в послеоперационную палату, где отходила от наркоза Куликова.

– Как там дела? – спросил Матвей у дежурившей Жени.

– Пока не совсем отошла, дремлет. Но вроде не жалуется. Температура тридцать семь и шесть.

– Ну, это не страшно. Если будет расти, позвоните мне.

– Конечно, Матвей Иванович. Вы зайдете к ней?

– Да, хочу бандаж посмотреть, боюсь, как бы не сполз.

Он толкнул дверь и вошел в палату. Куликова лежала на кровати у окна и, казалось, крепко спала, но едва Матвей приблизился и хотел положить пальцы на ее запястье, чтобы проверить пульс, как она открыла еще затуманенные наркозом глаза:

– Вадим...

– Наталья Анатольевна, это я, Мажаров. Вы в клинике – помните?

Она снова закрыла глаза и пробормотала:

– Почему вы здесь?

– Я оперировал вас и должен проверить, как вы себя чувствуете, – поправляя немного сместившийся бандаж, ответил Матвей.

– Как она? С ней все в порядке? – как в бреду, спрашивала Куликова, кажется, так и не узнав Матвея и принимая его за кого-то другого.

– С кем, Наталья Анатольевна?

– Что? – вдруг нормальным голосом переспросила пациентка и, открыв глаза, попыталась сесть. – Что вы тут... а, черт... я же... ну да, да... простите... – забормотала она. – Все уже закончилось?

– Все еще только началось. Но первая операция прошла хорошо, сейчас вам нужно больше гулять и чаще менять положение тела, чтобы затеков не было. Несколько дней вам лучше не покидать корпус, а потом – пожалуйста, весь парк к вашим услугам. Меньше лежите, чаще садитесь и еще чаще – просто гуляйте. Погода хорошая, сможете гулять сколько захотите.

Куликова подняла руку и дотронулась до повязки:

– Гулять в этом скафандре?

– А вы думаете, что на территории клиники пластической хирургии вы этим кого-то удивите? – улыбнулся Матвей, и Куликова вдруг тоже улыбнулась:

– Да, действительно... я как-то не подумала...

– Если хотите, послезавтра составлю вам компанию, – предложил Матвей, обрадованный неожиданной переменой в поведении пациентки. – Я дежурю.

– Вы со всеми такой любезный? – поинтересовалась она.

– Конечно, – заверил Мажаров, но Куликова отрицательно покачала головой:

– Вы думаете, что если я после наркоза, то перестала соображать? Вам очень хочется покопаться в моей голове, и не в буквальном смысле, как вы делали это на операционном столе, а в переносном. Вы хотите понять что-то, а у меня нет желания с вами откровенничать. Тем более что и скрывать-то мне нечего.

– Так уж и нечего? У каждого человека непременно найдется хоть одна крошечная тайна.

– И далеко не каждый жаждет поделиться ею – иначе это перестанет быть тайной, правда? Ну, вот и я не исключение. Так что благодарю за столь любезное предложение, но вынуждена отказаться. Погуляю одна, – отбрила пациентка.

Матвей подумал, что она куда сложнее, чем показалась ему с первого взгляда. И у нее явно есть что-то такое, что она пытается скрыть от всех. И это вовсе не вздорный характер, нет, это что-то более глубокое.

– Как знаете, – пожал он плечами. – Если вдруг передумаете – вы в курсе, где меня найти.

– Не надейтесь, – насмешливо сказала Куликова.

Матвей вышел из палаты с чувством, словно его поманили конфеткой и в последний момент не дали ее. Куликова бормотала что-то в полузабытьи, ему бы подождать и послушать, но он поторопился.

«Кто такой этот Вадим, за которого она меня приняла? – думал Мажаров, шагая в ординаторскую. – И о ком она спрашивала? О какой-то женщине, судя по местоимению «она». Кто эти люди, кем приходится ей?»

Занеся в историю болезни протокол операции, Матвей заполнил дневник послеоперационного ведения и закрыл файл. На сегодня его работа закончилась, можно ехать домой – завтра дежурство, неплохо бы отоспаться и сделать кое-какие дела дома.

Наталья

– Аглаюшка, это я, – толкнув дверь, объявил агент. – Привел к тебе новую девушку для знакомства.

– Ну, заводи, раз уж привел, – хрипло произнесли из комнаты, и я вздрогнула – неужели популярная писательница разговаривает почти мужским низким голосом? Как же она должна выглядеть при таком-то голосе?

Но нарисовать картину в уме я не успела, потому что агент буквально втащил меня в светлую просторную комнату, и я оказалась прямо перед инвалидным креслом, в котором сидела, откинув назад голову, хрупкая женщина с копной кудрявых русых волос, сколотых в пучок на

макушке. Женщина не пошевелилась, не изменила положения, только скосила глаза в нашу сторону:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.